

Муниципальное бюджетное
дошкольное образовательное учреждение
«Детский сад N11»

АЛЬБОМ

Стихи о блокаде Ленинграда

Составила воспитатель: Мурушкина Евгения Алексеевна

Сасово 2019 год

Блокада Ленинграда — одна из самых страшных и трагических страниц в истории Великой Отечественной войны. Ужасное испытание для жителей города на Неве длилось почти 900 дней (с 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г.). Ленинград находился в окружении фашистских захватчиков и у жителей не было никакой возможности вырваться из этого ада. Из двух с половиной миллионов жителей, проживающих в северной столице до начала войны, за время блокады только от голода и холода умерло более 600 000 человек, а ещё полторы сотни горожан погибло от нескончаемых бомбёжек и обстрелов. Всего погибших насчитывалось 850 тысяч человек. Несмотря на голод, сильные морозы, отсутствие отопления и электричества, ленинградцы мужественно выстояли и не отдали врагу родной город. Этому событию посвящено много художественных произведений, стихов, песен, фильмов. На этой странице мы собрали стихи советских и современных поэтов о блокаде Ленинграда.

Стихи о блокадном Ленинграде

Здесь собраны очень трогательные и порой грустные стихи о блокаде Ленинграда, которые невозможно читать без слез. Многие из них были написаны невольными свидетелями тех страшных событий.

Блокада Ленинграда

Весь Ленинград, как на ладони,

С Горы Вороньей виден был.

И немец бил

С Горы Вороньей.

Из дальнобойной «берты» бил.

Прислуга

В землю «берту» врыла,

Между корней,

Между камней.

И, поворачивая рыло,

Отсюда «берта» била.

Била

Все девятьсот блокадных дней...

Автор: М. Дудин

Я говорю...

Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
Не поколеблет грохот канонад,
И если завтра будут баррикады-
Мы не покинем наших баррикад...
И женщины с бойцами встанут рядом,
И дети нам патроны поднесут,
И надо всеми нами зацветут
Старинные знамена Петрограда.

Автор: Ольга Берггольц

Блокада

Чёрное дуло блокадной ночи...
Холодно,
холодно,
холодно очень...
Вставлена вместо стекла
картонка...
Вместо соседнего дома –
воронка...
Поздно.
А мамы всё нет отчего-то...
Еле живая ушла на работу...
Есть очень хочется...
Страшно...
Темно...
Умер братишка мой...
Утром...
Давно...
Вышла вода...
Не дойти до реки...
Очень устал...
Сил уже никаких...
Ниточка жизни натянута тонко...
А на столе –
на отца похоронка...

Автор: Н. Радченко

Моя медаль

...Осада длится, тяжкая осада,
Невиданная ни в одной войне.
Медаль за оборону Ленинграда
Сегодня Родина вручает мне.
Не ради славы, почестей, награды
Я здесь жила и всё могла снести:
Медаль «За оборону Ленинграда»
Со мной, как память моего пути.
Ревнивая, безжалостная память!
И если вдруг согнёт меня печаль, —
Я до тебя тогда коснусь руками,
Медаль моя, солдатская медаль.
Я вспомню всё и выпрямлюсь, как надо,
Чтоб стать ещё упрямей и сильней...
Взывай же чаще к памяти моей,
Медаль «За оборону Ленинграда».
...Война ещё идёт, ещё – осада.
И, как оружие новое в войне,
Сегодня Родина вручила мне
Медаль «За оборону Ленинграда».

Автор: Ольга Берггольц

Птицы смерти в зените стоят

Птицы смерти в зените стоят.
Кто идет выручать Ленинград?

Не шумите вокруг — он дышит,
Он живой еще, он все слышит:

Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,

Как из недр его вопли: «Хлеба!»
До седьмого доходят неба...

Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон — смерть.

И стоит везде на часах
И уйти не пускает страх.

Автор: А. Ахматова

Блокадное

Она несла в худой руке
Кусочек сахара блокадный,
А ты был в близком далеке,
А рядом — отзвук канонадный.

Чуть меньше тысячи шагов
Идти до госпиталя было,
Но каждый шаг, как сто веков.
И с каждым — сила уходила.

Казалось, лёгкое пальто
Потяжелело «дестикратно».
И на весь мир не знал никто
Дойдёт ли женщина... обратно.

Автор: Александр Трубин

Я не был на фронте, но знаю

Я не был на фронте, но знаю
Как пули над ухом свистят,
Когда диверсанты стреляют
В следящих за ними ребят,
Как пули рвут детское тело
И кровь алым гейзером бьёт...
Забить бы всё это хотелось,
Да ноющий шрам не даёт.

Я не был на фронте, но знаю
Сгоревшей взрывчатки угар.
Мы с Юркой бежали к трамваю,

Вдруг свист и слепящий удар...
Оглухший, в дымящейся куртке,
Разбивший лицо о панель,
Я всё же был жив, а от Юрки
Остался лишь только портфель.

Я не был на фронте, но знаю
Тяжелый грунт братских могил.
Он, павших друзей накрывая,
И наши сердца придавил.
Как стонет земля ледяная,
Когда аммонала заряд
могилы готовит, я знаю,
Мы знаем с тобой, Ленинград.

Автор: А. Молчанов

Ленинградцам

Отскочило упругой горошиной,
прокатилось по хрупкому льду
счастье, пеплом седым припорошено,
да часы отбивают беду.
Метронома глазницы провалены,
меж домов бродит каменный гость.
Лишь тепло из дырявеньких валенок
вытекает и стынет как кость.
Не помогут Казанский с Исаакием,
сиротливый, озябший причал.
То Нева, повидавшая всякое,
в душу мерно вливает печаль.
Двести грамм в зачерствелом кирпичике,
с отрубями ржаная мука.
Сеть морщинок на детское личико,
всё костлявая ближе рука.
Догорает щепой неутешною
еще помнивший деда сервант.
Голод теткою зело кромешною.
Соль да спички – скупой провиант.

Автор: Михаил Калегов

Я вырос в Ленинградскую блокаду

Я вырос в Ленинградскую блокаду,
Но я тогда не пил и не гулял,
Я видел, как горят огнём Бадаевские склады,
В очередях за хлебушком стоял.
Граждане смелые,
А что ж тогда вы делали,
Когда наш город счёт не вёл смертям?
Ели хлеб с икоркою?
А я считал махоркою
Окурок с-под платформы чёрт-те с чем напололам.
От стужи даже птицы не летали,
А вору было нечего украсть,
Родителей моих в ту зиму ангелы прибрали,
А я боялся — только б не упасть!
Было здесь до фига
Голодных и дистрофиков —
Все голодали, даже прокурор.
А вы в эвакуации
Читали информации
И слушали по радио «От Совинформбюро».
Блокада затянулась, даже слишком...
Но наш народ врагов своих разбил!
И можно жить как у Христа за пазухой под мышкой,
Но только вот мешает бригадмил.
Я скажу вам ласково,
Граждане с повязками:
В душу ко мне лапами не лезь!
Про жизнь вашу личную
И непатриотичную
Знают уже «органы» и ВЦСПС!

Автор: В. Высоцкий

Вдогонку уплывающей по Неве льдине

 Был год сорок второй,
 Меня шатало
 От голода,
 От горя,
 От тоски.
 Но шла весна —
 Ей было горя мало
 До этих бед.
 Разбитый на куски,
Как рафинад сырой и ноздреватый,
 Под голубой Литейного пролет,
 Размеренно раскачивая латы,
Шел по Неве с Дороги жизни лед.
 И где-то там
 Невы посередине,
 Я увидел с Литейного моста
На медленно качающейся льдине —
 Отчетливо
 Подобие креста.
 А льдинка подплывала,
 За быками
 Перед мостом замедлила разбег.
 Крестообразно,
 В стороны руками,
 Был в эту льдину впаян человек.
Нет, не солдат, убитый под Дубровкой
 На окаянном «Невском пяточке»,
 А мальчик,
 По-мальчишески неловкий,
В ремесленном кургузном пиджачке.
 Как он погиб на Ладоге,
 Не знаю.
 Был пулей сбит или замерз в метель.
 ...По всем морям,
 Подтаявшая с краю,
 Плывет его хрустальная постель.
Плывет под блеском всех ночных созвездий,
 Как в колыбели,
 На седой волне.
 ...Я видел мир,
 Я полземли изъездил,
И время душу раскрывало мне.
 Смеялись дети в Лондоне.
 Плясали
 В Антафагасте школьники.
 А он
 Все плыл и плыл в неведомые дали,
 Как тихий стон
 Сквозь материнский сон.

Землятресенья встряхивали суши.
Вулканы притормаживали пыл.
Ревели бомбы.
И немели души.
А он в хрустальной колыбели плыл.
Моей душе покоя больше нету.
Всегда,
Везде,
Во сне и наяву,
Пока я жив,
Я с ним плыву по свету,
Сквозь память человечеству плыву.
Автор: М. Дудин

18 января 1943 года

Что только перенёс он, что он выстрадал...
А ведь была задача нелегка.
На расстояньи пушечного выстрела
Всё это время был он от врага.
Гранитный город с мраморными гранями,
Сокровище, зажатое в тиски.
Его осколочные бомбы ранили,
Его шрапнелью рвали на куски.
Бывали сутки — ни минуты роздыха:
Едва дадут отбой, — и артобстрел.
Ведь немец близко. Дышит нашим воздухом.
Он в нашу сторону сейчас смотрел.
Но город не поколебался, выстоял.
Ни паники, ни страха — ничего.
На расстояньи пушечного выстрела
Все эти чувства были от него...
Сосредоточены, тверды, уверены,
Особенно мы счастливы, когда
Вступает в дело наша артиллерия,
Могучие военные суда.
Мы немцев бьём, уничтожаем, гоним их;
Огонь наш их совсем к земле пригнул.
Как музыку, как лучшую симфонию,
Мы слушаем величественный гул.
Тут сорок их дивизий перемолото.

А восемнадцатое января
История уже вписала золотом
В страницы своего календаря.

Автор: Вера Инбер

А рядом были плиты Ленинграда...

Война с блокадой чёрной жили рядом,
Земля была от взрывов горяча.
На Марсовом тогда копали гряды,
Осколки шли на них, как саранча!

На них садили стебельки картошки,
Капусту, лук на две иль три гряды —
От всех печалей наших понемножку,
От всей тоски, нахлынувшей беды!

Без умолку гремела канонада,
Влетали вспышки молнией в глаза,
А рядом были плиты Ленинграда,
На них темнели буквы,
Как гроза!

Автор: Александр Прокофьев

Чашка

Тишина стояла бы над городом,
Да в порту зенитки очень громки.
Из детсада в чашечке фарфоровой
Мальчик нёс сметану для сестрёнки.

Целых двести граммов! Это здорово
Мама и ему даст половину.
А в дороге он её не пробовал,
Даже варезку с руки не скинул.

Поскользнулся тут, в подъезде. Господи!
Чашка оземь, сразу раскололась.
И сметаны он наелся досыта,
Ползая по каменному полу.

А потом заплакал вдруг и выбежал.
Нет, домой нельзя ему вернуться!
... Мама и сестрёнка – обе выжили,
И осталось голубое блюдце...

Автор: Варвара Вольтман-Спаская

Дети блокады

Их теперь совсем немного –
Тех, кто пережил блокаду,
Кто у самого порога
Побывал к земному аду.
Были это дети просто,
Лишь мечтавшие о хлебе,
Дети маленького роста,
А душой почти на небе.
Каждый час грозил им смертью,
Каждый день был в сотню лет,
И за это лихолетье
Им положен Целый Свет.
Целый Свет всего, что можно,
И всего, чего нельзя.
Только будем осторожней –
Не расплещем память зря.
Память у людей конечна –
Так устроен человек,
Но ТАКОЕ надо вечно
Не забыть. Из века в век!

Автор: Лев Зазерский

Сотый день

Вместо супа — бурда из столярного клея,
Вместо чая — заварка сосновой хвои.
Это б всё ничего, только руки немеют,
Только ноги становятся вдруг не твои.
Только сердце внезапно сожмётся, как ёжик,
И глухие удары пойдут невпопад...
Сердце! Надо стучать, если даже не можешь.
Не смолкай! Ведь на наших сердцах — Ленинград.
Бейся, сердце! Стучи, несмотря на усталость,
Слышишь: город клянётся, что враг не пройдёт!
...Сотый день догорал. Как потом оказалось,
Впереди оставалось ещё восемьсот.

Автор: Ю. Воронов

В блокадных днях

В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?..
Нам в сорок третьем
Выдали медали.
И только в сорок пятом —
Паспорта.
И в этом нет беды...
Но взрослым людям,
Уже прожившим многое года,
Вдруг страшно оттого,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда.

Автор: Юрий Воронов

Ладожский курган

Над Ладожским курганом стынет иней,
Над Ладожским курганом тишина.
Искрится снег голубовато-синий,

И что-то шепчет старая сосна.
Молчит курган, торжественно-спокоен,

Молчит курган, закованный в гранит.
Склоняются знамена, как от боли,
Колышет ветер цепи возле плит.
И обелиск величественно-строгий

Напоминает нынче всем живым
О той суровой Ладожской дороге,
Которую мы в памяти храним!

Автор: В. Чазова

Блокадница

Война, блокада, санный путь,
Бредет старуха за водицей.
Шаль прикрывает плат и грудь.
А взгляд ночами этот снится.

Дорога длинная к Неве-
Полжизни прямо и обратно.
Все предоставлено судьбе,
И добредет ли непонятно.

Слеза от холода бежит,
По изможденной черной коже.
Она голодна, не спешит,
Быстрее она уже не может.

Ведет тропинка через мост,
Чернеет трупик из сугроба.
Для многих здесь такой погост,
А вон и два! Замерзли оба.

А дома холод, пустота...
В буржуйке дотлевают пепел.
Сгорела мебель. Нищета.
Лишь лик вождя все так же светел.

А завтра хлебушка дадут,
Но добредет ли я не знаю,
Но знаю выстоят! Сомнут,-
Фашистов эту злую стаю!
Автор: Сергей Перевязко

Над синей Невой

Сквозь гром всех сражений и гул канонад
Слушай, страна, говорит Ленинград!
Твой город бессмертный над синей Невой —
Твой город, твой воин, твой сын боевой.

Гремящий без отдыха злую орду...
«Я твой часовой и с поста не сойду».
Вот так говорит он, и доля его
Везде утверждает свое торжество!

Сквозь гром всех сражений и гул канонад
Слушай, страна, говорит Ленинград.
Сильна его воля, остер его взгляд,
Над ним боевые знамена шумят.

«Я в битве и славу твою берегу,
И я никогда не поддамся врагу!»
Вот так говорит он, гранитный, стальной
Ключ к сердцу России, любимый, родной.

Слушай, страна, говорит Ленинград!
Сквозь гром всех сражений и гул канонад,
Сквозь все пулеметные ливни косые,
Величия полон и славы России.

«Ты знаешь меня, — положись и надейся», —
бог так говорит он — наш город гвардейский.
Автор: А. Прокофьев

На Невском замерло движенье

На Невском замерло движение...

Не ночью, нет-среди бела дня.

На мостовой, как изваянье,

Фигура женщины видна.

Там, на дороге, как во сне,

Седая женщина стояла-

В её протянутых руках

Горбушка чёрная лежала.

Нет, не горбушка, а кусок,

Обезображенный бездушьем,

Размятый множеством машин

И всё забывшим равнодушьем...

А женщина держала хлеб

И с дрожью в голосе шептала:

— Кусочек этот бы тогда-

И сына б я не потеряла.

— Кусочек этот бы тогда...

Кусочек этот бы тогда...

Кто осквернил? Кто позабыл?

Блокады страшные года...

Кто, бросив на дорогу хлеб,

Забыл, как умирал сосед?

Детей голодные глаза

С застывшим ужасом, в слезах...

А Пискарёвку кто забыл?

Там персональных нет могил...

Там вечный молчаливый стон

Терзает память тех времён.

Им не достался тот кусок.
Лежащий здесь...у ваших ног.
Кусок, не подаривший жизнь...
Кто бросил Хлеб-тот отнял жизнь.

Кто предал Хлеб?
Его вину суду погибших предаю.
Священный ленинградский Хлеб-
Сто двадцать пять священных граммов-

Лежит в музее под стеклом,
Свидетель мужества поправу...
На Невском замерло движенье...
Седая мать, печаль храня,
Кусок израненного Хлеба
В руках натруженных несла.

Автор: Роберт Рождественский

Отрывок из стихотворения «Блокада Ленинграда»

Не бомбите меня! НЕ БОМБИТЕ!
Говорят, что сегодня мой праздник?!
Повезло... Вот он я – жив, смотрите!
Я зовусь страшным словом – БЛОКАДНИК!

Вспоминают блокадные дети,
Зализавшие раны подранки.
Вот и я вспоминаю дни эти –
Берега лет военных Фонтанки!

..Как мне вспомнить всё это хотелось:
Всю блокадную, страшную повесть,
Где в одних просыпалась смелость,
А в других просыпалась совесть!

Автор: Валерий Таиров

Стихи про Таню Савичеву

История маленькой блокадницы Тани Савичевой — это одна из тысяч историй блокадного Ленинграда. Но историю Тани мир узнал из написанного ею дневника, который девочка вела каждый день во время фашистской осады родного города на Неве. С дневником Тани Савичевой нам осталось страшное свидетельство тех ужасных блокадных дней. Это свидетельство хранится в музее истории Ленинграда. Таня стала символом блокадного Ленинграда.

Вот строки из дневника Тани Савичевой, которые она написала в те трагические дни ленинградской блокады:

“28 декабря 1941 года. Женя умерла в 12.30 ночи. 1941 года”.

“Бабушка умерла 25 января в 3 часа 1942 г.”.

“Лека умер 17 марта в 5 часов утра. 1942 г.”.

“Дядя Вася умер 13 апреля в 2 часа дня. 1942 год”.

“Дядя Леша, 10 мая в 4 часа дня. 1942 год”.

“Мама – 13 марта в 7 часов 30 минут утра. 1942”

Эта маленькая записная книжка одиннадцатилетней девочки Тани была предъявлена на Нюрнбергском процессе, в качестве документа, обвиняющего фашизм.

**«Девочка из блокадного Ленинграда»
(Посвящается Тане Савичевой)**

Как странно...мне больше не хочется есть...и ноги совсем не болят...
Нет...нужно подняться...хотя бы присесть...ведь я это мой Ленинград.
Пока я живая, живет город мой, зажатый в блокадном кольце.
И мама живая, и братик живой... замерзший на нашем крыльце...
Сквозь окна разбитые падает снег, паркет укрывая ковром.
Я верю, что к счастью придет человек, но все это будет потом...
Потом...через время и снежную мглу, пройдя по дороге смертей...
А может быть я насовсем не умру? Уйду просто к маме своей?
Нет, нужно подняться, нельзя мне лежать, ведь я это мой Ленинград!
Нельзя нам сдаваться...как хочется спать...укутавшись в снежный наряд...
Уже третий год мы в блокадном плену: бомбежки, разруха и смерть...
За что ты нам, боже, придумал войну? За что я должна умереть?!
Опять мне приснился загадочный сон: стою я одна над Невой,
И вижу, как чайка мне машет крылом и манит меня за собой.
Потом вдруг взметнулась она в небеса и скрылась в седых облаках...
И мамины были у чайки глаза...любовь в них, забота и страх.

Немного посплю и схожу за водой... чуть-чуть только сон досмотрю...
Нет силы бороться... прости город мой... и помни: тебя я люблю...

Автор: А. Гурков

Дневник Тани Савичевой

Годы блокады в архив не сдадут...
Сколько в них горя, трагизма!
А Танин дневник —
беспощадный суд —
Суд над войной и фашизмом.

Детской, теряющей силы, рукой
Строчки написаны скупой,
Как, нарушая непрочный покой,
Входит в квартиру без стука
Смерть — эта жуткая гостья семьи
В дни ленинградской блокады:

Молча уходят один за другим
Бабушка, Женя, два дяди,
Брата не стало, и... мама ушла.
УМЕРЛИ ВСЕ! ТОЛЬКО ТАНЯ,,,
— Милая, где же ты силы брала?!
Выпало столько страданья!

Ангел-спаситель к тебе опоздал —
Не отстояли у смерти...
Как же мне хочется, чтоб никогда
НЕ БЫЛО ВОЙН НА ПЛАНЕТЕ!

Автор: Валентина Жукова

Таня Савичева

На берегу Невы,
В музейном зданье,
Хранится очень скромный дневничок.

Его писала
Савичева Таня.

Он каждого пришедшего влечет.

Пред ним стоят сельчане, горожане,
От старца —
До наивного мальчика.
И письменная сущность содержания
Ошеломляет
Души и сердца.

Это — всем живущим
в назиданье,
Чтобы каждый в суть явлений вник, —

Время
Возвышает
Образ Тани

И ее доподлинный дневник.
Над любимыми в мире дневниками
Он восходит, как звезда, с руки.
И гласят о жизненном накале
Сорок две святых его строки.

В каждом слове — емкость телеграммы,
Глубь подтекста,
Ключ к людской судьбе,
Свет души, простой и многогранной,
И почти молчанье о себе...

Это смертный приговор убийцам
В тишине Нюрнбергского суда.
Это — боль, которая клубится.
Это — сердце, что летит сюда...

Время удлиняет расстоянья
Между всеми нами и тобой.

Встань пред миром,
Савичева Таня,
Со своей
Немыслимой судьбой!

Пусть из поколения в поколение
Эстафетно
Шествует она,
Пусть живет, не ведая старенья,
И гласит
Про наши времена!
Автор стихов С. Смирнов

Песня ТАНЯ

Скорбной славой окружен
Уголок под солнцем Волги,
Там не воин спит с ружьем,
А ребенок одинокий.

Таня, Таня — тьме преграда,
Как набат — на всех наречьях,
В чутком сердце Ленинграда
Ты останешься навечно.

Женю первую из всех,
А за нею, друг за другом,
Всю семью кровавый снег
Проглотил блокадной вьюгой.

А когда утихнул гром,
Землю молнией изранив,
Сиротливый кинув дом,
Медленно угасла Таня.

Но от дома далеко,
На земле испепеленной

Сердце Танино цветком
Проросло в траве зеленой.
Стихи и музыка композитора Джерри Агинского.
Перевод З. Пивень

Девять страничек. Страшные строчки

Девять страничек. Страшные строчки.
Нет запятых, только черные точки.
Пусто и тихо в промерзшей квартире.
Кажется, радости нет больше в мире.
Если бы хлебушка всем по кусочку,
Может, корочке дневник был на строчку.
«Маму и бабушку голод унес.
Нет больше сил и нет больше слез.
Умерли дядя, сестренка и брат
Смертью голодной... » Пустел Ленинград.
Умерли все. Что поделывать. Блокада.
Голод уносит людей Ленинграда.
Тихо в квартире. В живых только Таня.
В маленьком сердце столько страданья!
Умерли все! Никого больше нет.
Девочке Тане 11 лет.
Я расскажу вам, что было потом:
Эвакуация, хлеб и детдом.
Где после голода, всех испытаний
Выжили все, умерла только Таня.
Девочки нет, но остался дневник,
Детского сердца слезы и крик.
Дети мечтали о корочке хлеба...
Дети боялись военного неба.
Этот дневник на процессе Нюрнбергском
Был документом страшным и веским
Плакали люди, строчки читая.
Плакали люди, фашизм проклиная.
Танин дневник — это боль Ленинграда,
Но прочитать его каждому надо.
Словно кричит за страницей страница:
«Вновь не должно это все повториться!»
Автор: Илья Малышев